Странные повороты происходят иногда в судьбе: трое коренных смолян оказались на полтора-два года тесно связанными с далёкой от родных мест и совершенно непохожей на них своенравной красавицей Камой и маленьким городком на её берегу — Чистополем. Это произошло в тяжелейшую пору жизни всей страны — первой половине Великой Отечественной войны. Все трое — крупные советские поэты: М. В. Исаковский — лирик, лучший поэт-песенник страны, А. Т. Твардовский — эпический поэт, автор бессмертного «Василия Теркина», Н. И. Рыленков, подаривший великолепные образцы всех видов лирической поэзии от любовной, пейзажной до гражданской и философской, сделавший один из лучших стихотворных переводов памятника древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве».

Но если Михаил Васильевич и Александр Трифонович к началу войны жили уже в Москве, то путь в эвакуацию для их семей был относительно простым — литфонд зафрахтовал пароход, можно было взять с собой всё необходимое для жизни и удобно добраться до места назначения, где многим предоставлялось относительно неплохое государственное жильё и возможность устроиться на подходящую работу. Путь семьи Рыленкова в город Чистополь, где в начале войны обосновалась большая колония писателей и их семей, был много сложнее. Это был путь беженцев, не имевших возможности взять с собой самое необходимое, гонимых волной наступающих фашистских войск.

Единственно, что успели сделать Николай Иванович с женой Евгенией Антоновной — это отправить из горящего города со своими сёстрами (одна из них была после операции на костылях, а другая девочка-подросток) двух дочерей: четырёх и девяти лет. Что они могли взять с собой? Хорошо уже было то, что смогли посадить их на поезд. Через несколько дней ушёл добровольцем на фронт и сам Николай Иванович, хотя и не был годным к строевой службе, но стал командиром сапёрного взвода. Дома осталась только Евгения Антоновна, которую не отпускали с «очень ответственной» работы — заведующей библиотекой Дома искусств, куда её, впрочем, не пускали, так как там располагался военный штаб. Никто не знал о судьбе других членов семьи. Евгения Антоновна всё же успела вырваться из горящего Смоленска. Силой воли, огромной любовью друг к другу, терпением, интуицией и даже везением они сумели преодолеть все препятствия и найти друг друга. Но радость была недолгой. Затем жизнь в прифронтовой полосе на нашей, а затем на захваченной фашистами земле. Круги ада. Болезни, голод, жизнь в землянке. Наступление наших войск, освобождение, а в апреле долгожданная встреча с приехавшим за ними папой. Военная Москва. Что делать дальше? Нужно уезжать, но куда? Места, где как-то можно пережить лихолетье, давно забиты до отказа — нет жилья, нет рабочих мест.

Ещё в конце августа — начале сентября, когда мы попали в Подмосковье, папа сумел договориться с А. Прокофьевым и Д. Семеновским, чтобы нас приняли в городе Иваново. Ему обещали подыскать там частную квартиру и помочь с работой. Но тогда не смогли выехать из-за наступления фашистов.

Теперь вопрос решался о направлении семьи в Татарию. На согласование ушло около двух недель. Наконец разрешение получено. И снова — путь в неизвестность. Предстояло добираться самостоятельно до места и как-то устраиваться в новом для нас городе на Каме. Сопровождать нас папа не мог — получить отпуск было нереально. Смоленск не так уж далеко от Москвы, а добирались до Чистополя почти полтора месяца — с конца апреля до середины июня. Но главная трудность — пересадка в Казани.

Поездка могла бы послужить сюжетом для приключенческого романа. Началось всё с того, что у нас не оказалось ни куска хлеба. В Москве по карточкам мы получали хлеб ежедневно, но норма его была небольшой, после долгого голодания он не только не оставался, но его просто не хватало. В дороге же хлеб по карточкам получить было невозможно. Понимая, что путь предстоит тяжёлый, в литфонде позаботились о продуктовом наборе. Как я теперь понимаю, подобные наборы выдавали семьям москвичей, только жизненные ситуации у них и у нас были разные. Что в нём было, мы не знали, но надеялись, что хватит на дорогу. И никто не догадался посмотреть содержимое — уж очень хорошо всё было упаковано.

Кое-как устроившись в переполненном вагоне, решили поесть и стали распаковывать пакет. Там были продукты, о существовании которых мы уже давно забыли: икра, бутылка московской водки и бутылка красного вина. Целое богатство по голодным карточным временам военной весны 1942 года. Но не было самого главного — хлеба. А добыть его в дороге оказалось практически невозможно, разве что за бешеные деньги, которых не было. Что делать?

Проходивший мимо военный (интендант) моментально оценил создавшуюся ситуацию, приметил водку, сообразил, что женщины совершенно не представляют себе её стоимость, и предложил обменять на хлеб. Мама с радостью согласилась. Казалось, что выход найден. Но интендант оказался низким человеком. Забрав бутылку, он принёс вместо обещанной буханки лишь небольшую часть её, которой с трудом могло хватить на один раз. Мама возмутилась, сказав, что это обман, и попросила вернуть ей водку. Но этот мерзавец не только не извинился, но и начал угрожать, называя спекулянткой. Воспитание не позволяло маме опускаться до перепалки. Тяжелейшие испытания, выпавшие на её долю, непривычная обстановка, чужие люди — всё это лишило её сил бороться с нечистым на руку человеком, который был уверен в своей полной безнаказанности. Да и окружающие люди побоялись вмешиваться — наглость интенданта парализовала их волю. Позже маме рассказали, что водка — большая редкость, особенно московская, и за неё можно было получить не одну буханку хлеба. Но что она могла сделать? Пришлось менять часть продуктов на хлеб. Продуктовый набор быстро таял. Его оказалось слишком мало для семьи из пяти человек и непредвиденно долгого путешествия.

Следующая большая неприятность поджидала в Казани — пункте пересадки. Речной вокзал располагался далеко от города и только в нём можно было отоварить хлебные карточки. Выдавали их на один день. Началась распутица. Сколько-нибудь подходящей одежды и обуви для наступившей весны у нас не было — уезжали из Подмосковья в начале апреля, когда стояли ещё очень сильные морозы, в зимней одежде и валенках (благодаря родственникам, поделившимся с нами). Туда же добирались из горящего Смоленска летом налегке.

Народу — масса, достать билеты на пароход было крайне трудно. Приходилось отстаивать огромную очередь день за днём, не смея отойти, без особой надежды на скорый успех. На вокзале провели несколько дней. Ходить каждый день пешком в город за хлебом было невозможно: дорога — поток жидкой грязи. Транспорта нет, кроме частных извозчиков, заламывавших немыслимые цены. А тут ещё нас обворовали, хотя и брать-то было практически нечего. Что именно взяли, я не помню, но главное — украли галоши, без которых выйти на улицу было практически невозможно.

Билетов нет, хлеба нет, продукты, как ни экономили, заканчивались. Денег очень мало, а надо ещё добраться до Чистополя. Нужно срочно выкупить по карточкам хотя бы хлеб, но извозчика не устраивает небольшая сумма, которую могла заплатить мама, и он предлагает оплатить поездку продуктами или вещами. Но что можно отдать, если фактически ничего нет. Тут мама вспоминает о бутылке красного вина — единственное, что осталось от продуктового набора. И возчик моментально соглашается довезти не только до города, но и обратно. На один день вопрос решён. А дальше? Положение становилось критическим. Но справедливо говорят, что свет не без добрых людей, хотя и не без негодяев. На вокзале в очереди мама знакомится с москвичкой, инженером-химиком Любовью Сергеевной, ехавшей в Чистополь к находившимся там маме и сестре. Она тоже застряла в Казани и, видя наше бедственное положение, всеми силами стала помогать нам.

Любовь Сергеевна выменяла свой табак на хлеб для нас, что было тогда почти подвигом, помогла маме достать билеты, а, добравшись до Чистополя, не бросила на вокзале, привезла к своим, у которых была всего одна очень небольшая комнатка, где нас накормили и оставили ночевать. Так началась их дружба, длившаяся всю жизнь.

По ходатайству писательской организации нас поселили на несколько дней в гостинице. Нужно было срочно подыскать жильё. Мы сидели дома, а мама целыми днями ходила по городу, по адресам, выданным в горсовете. Это были частные домовладения. Чистополь — город небольшой, население за годы войны выросло многократно. Туда были эвакуированы из Москвы второй часовой завод, другие предприятия и учреждения. Было много беженцев. И хотя хозяев обязывали предоставлять площадь для проживания, делать это домовладельцы не спешили, пользовались любым предлогом не брать «выковырянных» (так называли там эвакуированных).

Мама прекрасно понимала всю фальшь предлогов для отказа хозяевами, чувствовала их негативное отношение к приезжим. Но деликатность мешала ей настаивать, несколько дней ходила она по адресам впустую. Жить в гостинице большой семьёй было не по средствам, да и не разрешалось. Маму предупредили, что домов, где можно поселиться, уже почти не оставалось, и если она не проявит твёрдость и настойчивость в переговорах, то квартиру не снимет.

Наконец она попадает на улицу Бутлерова в довольно большой и уютный дом на самом берегу Камы. Хозяйка его славилась настолько скверным характером, что получила прозвище «змеи гремучей» (в отличие от своей подруги «змеи шипучей»). Маме пришлось выдержать длинное представление с плачем, криками, душераздирающими историями и истериками и прочее, прочее. Но выбора уже не было, решила поселиться здесь.

Выделили нам самую крохотную комнату в пять или шесть квадратных метров, в которой стоял только узкий деревянный диванчик. Но дом был тёплым и можно было спать на полу. К дому прилегал большой огород, спускавшийся к реке. Весной Кама разливалась, и приносимый ею ил делал почву настолько плодородной, что овощи давали просто сказочный урожай. Меня поразили горы красных помидоров, хранившихся в большой двух или трёхоконной комнате («зале»). Хозяйка, звали её

Карповна, торговала помидорами на базаре. Спрос был огромный, цены очень высокими, вырученные деньги хранились в мешке в той же «зале». Была у хозяйки и коза. Одним словом, жила она в полном достатке, да и здоровье имела отменное. Конечно, боялась, что постояльцы ей будут мешать, настолько привыкла быть единовластной, что не хотела жить даже со своим единственным сыном Степаном, работавшим у водников. Это был одинокий, тихий, очень добрый человек, страдающий язвой желудка, и поэтому его не призвали в армию. Сын жил в общежитии. Иногда по выходным он заходил к нам, и я очень любила с ним играть.

Хозяйка не могла предположить, насколько неприхотливые и деликатные ей попались жильцы, а когда разобралась, то не уставала рассказывать всем знакомым о потрясающей честности своих «выковырянных». В доме не запиралось ничего — не только бесценные помидоры, но и деньги.

Меня больше всего удивляли тогда её чаепития. В большой столовой у окна стоял обеденный стол, а на столе самовар. В большую чашку наливалось козье молоко, добавлялись мёд и масло, вбивалось яйцо, и при быстром перемешивании вливался кипяток из самовара. Даже будучи вечно голодной, я не могла представить себе, как эту смесь можно выпить.

Забегая вперёд, отмечу, что наш отъезд из Чистополя осенью 1943 года тоже сопровождался спектаклем, но уже на улице и со знаком плюс, где хозяйка между бурными рыданиями причитала, что не видела в своей жизни людей лучше и честнее её квартирантов и что она не знает, как будет жить без них.

А пока надо было налаживать быт на новом месте. Жить в крохотной комнатке впятером невозможно. Готовить негде и не на чем. В Чистополь были эвакуированы не только семьи писателей, но и действовали многие хозяйственные подразделения литфонда, например, детский сад для малышей и интернат для школьников. Неудовлетворительные жилищные условия, плохое снабжение, дороговизна, материальные затруднения вынуждали многих писателей отдавать своих детей в них. Педагогический персонал во главе с директрисой был московский. Определили туда и нас. Но поскольку сестра была уже школьницей, а мне едва исполнилось пять лет, впервые в жизни нас разъединили (здания интерната и садика находились довольно далеко друг от друга). Естественно, что это добавляло горечи в нашу жизнь, и мы очень тосковали. Но другого выхода просто не существовало. Я попала в одну группу с сыном Б. Пастернака. Однажды мы вместе с ним заболели. Видимо, простудились, и нас поместили в изолятор. Там произошло очное знакомство мамы (а по стихам она знала его с юности) с Борисом Леонидовичем. За содержание детей в этих учреждениях взималась плата, они находились там круглосуточно, но на воскресенье отпускали домой.

Свою младшую сестру, которой было семнадцать лет (она ещё не успела окончить школу), мама устроила электриком на пуговичную фабрику, там она получила общежитие. Сама же, хотя папа в письмах её всячески отговаривал, пошла работать дежурным комендантом-воспитателем в ремесленное училище. В условиях военного времени дежурства были сутки через сутки. Зарплата мизерная — 250 рублей (стоимость 200 граммов баранины на базаре). Но зато бесплатное питание, обеды разрешалось брать домой, и таким образом уладился вопрос с питанием второй сестры. Кроме того, училище находилось очень близко от дома — метрах в 200–300, что было удобно и важно во многих отношениях.

В училище, с одной стороны, были очень хорошие ребята, эвакуированные из блокадного Ленинграда, а с другой — настоящие уголовники, освобождённые из тюрем за не очень тяжкие преступления. Кражи были постоянным явлением. Воровали всё — от белья до дорогих инструментов в мастерских, работавших для нужд фронта.

Поймать воришек не могли и штрафовали либо воспитателей, либо мастеров — в зависимости, что и где украдено.

В первый же месяц мама не получила зарплату — вычли за украденные простыни. Отчаянное материальное положение, хотя папа присылал всё, что мог, — свой аттестат, гонорары за стихи и радиопередачи. Всё равно денег не хватало на самое необходимое: одежду, питание, дрова, оплату жилья. Природный ум, находчивость, смелость помогли маме сделать то, чего не могли добиться другие: поймать двух воришек и сдать их вызванным милиционерам. Правда, те не смогли довести их до милиции. Но краж стало намного меньше.

Жизнь в Чистополе протекала много лучше и спокойнее, чем на передовой в Подмосковье, где каждую минуту был риск погибнуть. Мы, дети, получали, хотя и очень скудное, но регулярное питание, было тёплое жильё, частые весточки от папы и, что очень важно, отсутствовали изнуряющие ежедневные бомбёжки. Жаркое и довольно сухое лето, зато зимы холодные, морозные, с очень сильными ветрами, особенно вблизи Камы.

Наши ослабленные невзгодами организмы давали сбой, мы часто и подолгу болели. Трудно было бороться с цингой. В качестве средства от неё меня заставляли есть сырую картошку, которую я просто возненавидела. Более эффективным и приятым средством от цинги был шиповник. Огромные заросли его располагались за Камой. Но мостов не было, и попасть на другой берег можно было только на лодках. Время сбора плодов — осень, а это не слишком приятное для поездок время — дуют сильные холодные ветры, идут дожди. Желающих собиралось очень много. А переполненными лодчонками управляли мальчишки двенадцати–четырнадцати лет. Кама здесь широкая, бурная, вода почти чёрная. Кама гораздо своенравнее Волги. Недаром по легенде эти реки вели долгий спор — кто из них главнее. Очень опасны и страшны такие поездки, но жизнь заставляла идти на риск.

Оберегая всех, мама совершенно не думала о себе. Выматывающая нагрузка на работе, вечное недосыпание, плохие, не соответствующие климату одежда и обувь привели к тому, что она сильно простудилась, и у неё развился двусторонний мокрый плеврит. Пропал голос. Заболевание достаточно тяжёлое и для мирного времени. Как она смогла в тех условиях подняться на ноги — для меня до сих пор загадка.

Первым на помощь пришёл Михаил Васильевич Исаковский. Папа ещё с ранней юности был знаком с ним, а позже они подружились. Михаил Васильевич поддерживал с нами связь и в Чистополе. В первый же день нашего пребывания в гостинице Михаил Васильевич зашёл с женой поговорить о пережитом за год войны и как-то помочь устроиться на новом месте. Но мамы не было, она уходила искать квартиру, предварительно выкупив полагавшийся по эвакуационным карточкам хлеб, а его оказалось десять килограммов. Наказала всем не увлекаться им, есть понемногу. Мы с сестрой беспрекословно подчинились, но тётушка не смогла удержаться и ела до тех пор, пока ей не стало очень плохо — говорить не могла, почти не дышала. Мы были в ужасе. В этот момент и появились Исаковские. Лидии Ивановне, которая была врачом, пришлось её спасать.

Теперь, обеспокоенный, что мама, время от времени забегавшая к ним с женой обменяться новостями, о которых сообщал папа, регулярно писавший ему и нам, долго не появляется и узнав в поликлинике литфонда, что мама заболела, Исаковский сам пришёл узнать, что случилось и чем можно помочь. Увидев маму в таком тяжёлом состоянии и без голоса, очень встревожился и настоял через писательскую организацию, чтобы её регулярно навещал литфондовский специалист. Лечения особого не было. Врачи рекомендовали тепло и хорошее питание. Мама действительно в этом

нуждалась, ибо находилась в крайней степени истощения. Однако наше материальное положение было плачевно. Михаил Васильевич добился, чтобы литфонд выделил нам несколько килограммов сахара (вместо рекомендованного мёда) и немного сливочного масла. Этого было мало, очень мало. Но хоть что-то. Маму несколько месяцев поили молоком с сахаром, добавляя немного масла. Врачи рекомендовали пить, как более целебное, козье молоко, но больная наотрез отказывалась от него. Пришлось схитрить. Её сестра действительно через день покупала пол-литра коровьего молока у соседки, приносила домой (мама видела это в окно), а затем обменивала у хозяйки на козье. Обман раскрылся, но уже после выздоровления.

Мама болела долго и тяжело — со второй половины ноября до конца марта. При любой возможности её навещал Михаил Васильевич. Обладавший хорошим чувством юмора, он старался отвлечь больную от мрачных мыслей смешными историями, курьёзными случаями и в то же время давал ей практические советы, внушал, что она обязана не только оберегать детей, отдавая им всё, но и следить за своим здоровьем, хотя бы ради них и мужа.

Мамино выздоровление нам казалось чудом. Но, скорее всего, причина крылась в ней самой. Мама была титаном духа и воли. Для неё характерно чрезвычайно развитое чувство ответственности за судьбу своих близких. Понимала, что без неё пропадут и дети, и сёстры, она была стержнем семьи в тяжёлые военные годы, когда папа был на фронте. И должна была и для нас, и для него выстоять, сохранить семью. Папа всегда считал, что на женщин в военное лихолетье пришлось гораздо больше нагрузок и испытаний, чем на мужчин. Для мамы главной опорой служили письма папы. Их сохранилось более двухсот.

В Чистополь он начал писать уже на следующий день после нашего отъезда из Москвы со всё большим нарастанием тревоги и беспокойства — почему нет ответов. Разве мог он предположить, что мы доберёмся до цели так нескоро. Но продолжал слать письма, открытки и при возможности отправлял телеграммы. Наконец пришла ответная телеграмма, затем и письма.

В годы войны папа не переставал писать стихи, используя короткие минуты отдыха, в основном, ночами, в окопах Подмосковья, позднее и в штабе партизанского движения. Всё написанное посылал маме в Чистополь. Ей посвящены очень многие военные стихи, например, цикл «Письма без адреса», поэма «Апрель».

Удивительно, что в самые тяжёлые дни войны произошёл невиданный всплеск интереса к поэзии и, в особенности, к лирике. Все периодические издания (и газеты, и журналы) вплоть до «Правды» печатали их. Регулярно передавались стихи и по радио.

По письмам можно совершенно точно установить, над чем и когда папа работал, где печатался, а печатался он практически во всех газетах (от «Литературы и искусства» до «Правды») и журналах (в «Новом мире», «Знамени», «Октябре» и т. д.). Выступал на радио с чтением своих стихов. Военные стихи вошли в сборники «Синее вино» (Гослитиздат) и «Прощание с юностью» («Советский писатель»), вышедшие в Москве в 1943 году.

При любой возможности папа старался, кроме денежных переводов, отправлять нам и посылки. Это были, главным образом, концентраты, табак и, конечно, книги. Иногда их можно было передать через Литфонд, собиравший и централизовано отправлявший их в пункты эвакуации, или через знакомых писателей, посещавших свои семьи. Но взять они могли немного. Казалось, что проще — использовать почту, не ожидая случая. Но это было рискованно, так как посылки часто вскрывали. Посылки, конечно, были нечастыми. Папа в Москве бывал редко, наездами. Но кое-что нам привозили от него А. Т. Твардовский, Г. Санников, М. Зенкевич, директор

литфонда Хохлова. С оказией иногда приходили начитанные папой на пластинки стихи.

Выбраться к нам в Чистополь папа сумел только дважды — в ноябре 1942-го года и в сентябре 1943-го. Это был краткий (считанные дни) миг счастья, он всегда старался чем-то порадовать нас, привезти хоть какие-то подарки и обязательно книги. В первый же приезд его обворовали дважды.

Как уже я упоминала, прямого сообщения с Чистополем не было. Пересадка в Казани. Там в трамвае, когда папа ехал в порт для посадки на пароход, у него вытащили бумажник с деньгами для семьи и на обратную дорогу, но чемодан он сумел спасти (в нём были посылки семьям писателей и кое-что для нас). Маме пришлось буквально наскребать ему деньги, чтобы он смог вернуться на службу самолётом до Казани и поездом до Москвы.

В Чистополь залетали только военные самолёты и то крайне нерегулярно, пассажиров практически не брали и попасть на рейс было крайне затруднительно. Помог Михаил Васильевич Исаковский, который выхлопотал разрешение в горкоме. Аэродром находился довольно далеко за городом. Транспорт туда не ходил. Когда прилетит самолёт, точно никто не знал из-за нелётной погоды. Пришлось папе дважды сходить впустую прежде, чем рейс появился. Провожали папу мама и Михаил Васильевич. Но мама из-за дежурства могла пойти только дважды. Чемодан был тяжёлым — набит посылками москвичам от их семей. Да и свои вещи. Начальник аэропорта, а это была женщина, предложила папе оставить чемодан в её кабинете, чтобы напрасно не таскать его. Мамы с ними не было, и мужчины согласились воспользоваться любезностью. Но по прилёту в Казань обнаружилась пропажа — исчезла бутылка водки, которую Михаил Васильевич подарил папе, чтобы он мог согреться после полёта в открытой «уточке», а он был в летней форме. Слава богу, что чужие вещи уцелели, пропала только американская тушёнка.

Папа, конечно, простудился, но от тяжёлых осложнений его спасли сшитые мамой ватные варежки, которыми он закрывал уши в полёте. Папа писал, что если бы не они, то не знает — сумел ли бы он вынести перелёт.

Второй раз он смог приехать к нам только через год, во второй половине сентября 1943 года. Промёрзнув в дороге, по приглашению сына нашей хозяйки Степана отправился в баню водников. И там ли, или вернувшись домой, узнал из сводки Совинформбюро об освобождении Смоленска. Радость родителей была неописуемой. Папа лишь огорчился, что долгожданное событие произошло без его участия. Не дождавшись конца отпуска, он уехал назад.

Линия фронта была отодвинута от столицы, и многие москвичи решили возвращаться. Засобирались и мы.

Литфонд нанял для этих целей пароход. Папа договорился, чтобы нас включили в первую партию отъезжающих. На пароходе нам выделили отдельную каюту. Мне она представлялась верхом совершенства — удобная, просторная, с двумя мягкими широкими диванами и большим окном. Отъезжающие имели возможность неспешно собраться и занять свои места, погрузка длилась не один день. Плыли мы долго, недели две, а может быть, мне так показалось...

Это было самое прекрасное время за всю войну. Стояла чудесная золотая осень. На пароходе царила доброжелательная атмосфера, было много детей. Мы целые дни проводили на палубе. Никто ни с кем не ссорился. Особое впечатление на нас производило прохождение шлюзов. Я на всю жизнь запомнила это зрелище. Все — и взрослые, и дети высыпали на палубу и ждали заполнения камер водой, а пароход поднимался вместе с ней.

Пароход двигался без расписания, часто останавливался по просьбам пассажиров для закупки провизии в сёлах и просто в красивых местах. Как разительно отличалось это спокойное и радостное путешествие от полного неприятных историй переезда из Москвы в Чистополь.

В Москве нас встретил папа, а уже через несколько дней мы добрались до города Кондрово в Калужской области, где временно размещалась администрация Смоленска и соответствующие учреждения. Здесь нам пришлось временно расстаться с родителями. Папу демобилизовали и откомандировали в распоряжение обкома для налаживания мирной жизни в городе. Мама уезжала с ним, а мы с сестрой и тётушкой остались в Кондрово, поскольку Смоленск был разрушен почти полностью, надвигалась зима и было неизвестно, где жить. Родители попали в родной город в канун октябрьских праздников, а мы только в марте 1944 года.

Таков был первый виток спирали судьбы, связавший поэта Николая Ивановича Рыленкова с Татарстаном. И вот, через семьдесят с лишним лет, новый виток, соединивший имя его с Николаем Алешковым, родом из памятного всем нам Прикамья. Устанавливается обратная связь: Татарстан — Смоленск. Николай Алешков стал лауреатом премии Николая Рыленкова. Связующая нить истории не прерывается.

Смоленск, январь 2017

АБСОЛЮТНОЕ В СЛОВЕ

Из писем поэту Николаю Рыленкову

Александр Алексеевич Михайлов (критик, литературовед, Москва, 12.2.1969):

«Давно и искренне люблю Вашу светлую, истинно русскую поэзию, восхищаюсь Вашим постоянством, верностью себе, своей поэтической натуре и своим эстетическим идеалам.

Вы, дорогой Николай Иванович, сегодня один из самых культурных поэтов на Руси, прекрасно знающий отечественную литературу и проявляющий понимание и широту в отношении к новым явлениям поэзии. Это такое редкое качество у поэтов. И за это особенно хочется низко поклониться Вам!»

Людмила Владимировна Титова (читатель, Ногинск, 1962 г.):

«В редакцию художественной литературы издательства «Советская Россия».

Среди имён современных нам поэтов почему-то до сих пор я не знала Николая Рыленкова: удивляюсь, как это могло получиться. И вот сегодня я нашла в библиотеке книжку его стихов. Эта маленькая книжка с тенью рябиновой ветки на сиреневой обложке явилась мне как открытие. Никогда ещё я не читала таких хороших настоящих лирических стихов, написанных нашим современником.

Н. Рыленков — настоящий национальный русский поэт: сквозь каждую страничку его стихов я вижу знакомые картины нашей природы и жизни, его стихи родные. В них искренность и цельность чувств, свежесть образов. Они являются продолжением русской классической поэзии: где-то рядом с его стихами всё время чувствуешь то Пушкина, то Тютчева, то Фета, то Есенина... И вместе с тем у поэзии Рыленкова своя атмосфера и свой облик без тени подражания: в ней задушевность русской народной песни, то предельная ясность, зримость её образов, то скромность игры её намёков.

Я уверена, что поэзия Н. И. Рыленкова должна войти в золотой фонд русской литературы».

Евгений Пермяк (прозаик, драматург, Москва, 14.12.1963):

«Милый Николай Иванович!

Прочёл твой стихотворный пересказ «Слово о полку Игореве» и почувствовал своей обязанностью написать тебе. Это прекрасный и достойный подлинника перевод. Мне, занимавшемуся Словом, когда я писал пьесу, связанную с ним, — «Шумите ратные знамёна», особенно понятны и дороги трудности, которые ты преодолел, назвав перевод пересказом. Перевести Слово на русский с русского нельзя, да и неправомерно.

Я читал множество ПЕРЕ (сказов-водов), но твой меня устраивает почти АБСОЛЮТНО, если не считать, что абсолютного нет нигде, кроме как в самом Слове.

Читая я нигде не почувствовал АРХАИЗМА, как и не почувствовал МОДЕРНИЗАЦИИ, приспособления пересказа к языку, на котором мы говорим. Т.н. «декорум» соблюдён в той языковой гибридизации, которая позволяет СЛОВУ оставаться словом и быть произведением нашего времени, написанного современно.

...СЛОВО высловилось так, как ты его понял, перечувствовал и преломил через свою чистую и целомудренную душу человека, который мог бы (и был задуман) родиться красной-девушкой, а родился парнем...

Одним словом, я поздравляя тебя, будто поздравляю себя, поэтому стараюсь быть умеренным в похвалах. И если бы ты пересказал только одно Слово и у тебя не было бы больше ни одной строки, то и при этом о тебе бы «рокотали струны» читающих тебя и днесь и после.

Поздравляю тебя, дорогой Николай Иванович, с хорошей победой. Пусть она не станет пока столь шумной, но ведь кроме шума есть ещё и время, и нация».